

ЛЕГКАЯ
КНИГА

Александра
РОМАНОВА

**БЛОНДИНКА
СДАВАЛА
В БАГАЖ...**

Александра Романова

Блондинка сдавала в багаж...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686912

Романова, А. Блондинка сдавала в багаж...: АСТ; Астрель-СПб;

Москва, СПб; 2010

ISBN 978-5-17-067490-9, 978-5-9725-1795-4

Аннотация

Бывает, что блондинка хочет выглядеть умной, а случается и наоборот – женщина-математик красится в блондинку.

Но и у блондинок есть проблемы.

Если бы не свежескрашенные локоны, вряд ли кто-то рискнул бы перед самой таможней подкинуть ей в сумку пакет с подозрительным порошком...

С этого момента покой ей с подругой только снится.

Блондинка сдавала в багаж...

Сдать мало, еще бы вернуть обратно. И самим вернуться. Живыми.

Александра Романова

Блондинка

сдавала в багаж...

Русскому человеку положено любить Францию и хотеть в Париж. А кто не любит и не хочет, тот извращенец. Или, возможно, урожденный француз, которым коварно подменили честное российское дитя прямо в колыбели. Вот что я сказала подруге Насте, едва мы плюхнулись в кафе за столик, с облегчением выпустив из рук тяжелые сумки.

Меня, например, никто не подменял. Я, будучи нормальной русской женщиной, не расслабилась в ожидании заказа, а вцепилась в бесплатный журнал и принялась изучать увлекательные, однако совершенно недоступные мне предложения вроде «Еженедельные туры в Париж и Ниццу всего за две тысячи евро! Мы предлагаем индивидуальный подход к каждому клиенту!» (Гмм... пожалуй, за такие деньги и я к кому угодно индивидуально подойду.) А Настя, вместо того чтобы поддержать меня и тоже вцепиться, ехидно сообщила, что мне не наскрести двух тысяч евро, да и с шенгенской визой возникли бы проблемы, так что читать подобную рекламу не имеет смысла. Согласитесь, извращенка?

Настя не согласилась.

– Чего хорошего в этой Франции? – удивилась она и с ис-

кренным неодобрением добавила: — Там кругом французы, и говорят они все по-французски!

— Ох, — мечтательно простонала я. — Там кругом французы, и говорят они все по-французски...

Обожаю этот язык (хотя совершенно его не знаю). В отличие от Насти, с которой дела обстоят прямо противоположным образом. Впрочем, немудрено. Ее мама преподает французский и мучила им ребенка почти с младенчества. Сама Настя в знак протеста предпочла *английское* отделение пединститута, но в нагрузку там, как выяснилось, прилагался ненавистный французский, что не прибавило к нему симпатии. Да еще недавно на курсах, где она работает, ей подсунули группу детей, чьи родители возжаждали обучить юных чад именно парижскому прононсу. Начальство жестоко заявило моей бедной подруге, что в условиях мирового кризиса лишних денег не бывает, а для шестилеток Настиных знаний более чем достаточно. Последнее, подозреваю, верно, однако Настя не привыкла халтурить и вынуждена была засесть за повторение подзабытого материала. К тому же она никогда раньше не имела дела с дошкольниками и плохо представляла себе их психологию. Так что каждый урок приносил ей новые, незабываемые впечатления: то один ученик укусит другого за ухо, то кто-то описается, а однажды Настю окружили и сбили с ног, бодая головами под коленки — причем, похоже, в знак искренней, хоть и по-юному пылкой, любви.

При подобных условиях нежелание ехать туда, где говорят по-французски, вполне понятно. Вот я, например, читаю лекции на математике в Техническом университете (кстати, Настины курсы – его филиал). Согласилась бы я отдыхать там, где каждый встречный приветствовал бы меня определением предела? Нет, гораздо хуже! Где проживали бы исключительно студенты, причем, идя по улице или сидя в кафе, они обсуждали бы между собой вопросы поведения функций, с большим увлечением отыскивая связь между ϵ и δ . Да лучше я на все лето запрюсь в подвале, чем отправлюсь в столь гнусное местечко! Хватит с меня математики на работе. Примерно то же, наверное, чувствует Настя. Она предпочитает Египет, где не понимает ни слова, – даже когда арабы говорят с нею на русском (ну или *считают*, что говорят на русском, – это как посмотреть).

Впрочем, я не потеряла еще надежды преодолеть скептицизм подруги, поэтому делиться с нею своими соображениями не стала. Скажу больше – даже если бы в тот миг на меня снизошел дар пророчества и я узрела глазами души, какие детективные события поджидают нас в будущей поездке, меня бы это не остановило и я все равно продолжала бы твердить: хочу, хочу в Париж! Но я, слава богу, ничего не узрела. Возможно, помешал принесенный официанткой заказ.

Желание мое было совершенно невинным – поесть взбитых сливок. Правда, в наше время именно с выполнением невинных желаний возникают проблемы. Не сомневаюсь,

потребуйся мне, например, электрический вибратор с языком о двенадцати скоростях, я бы с легкостью обрела его в ближайшем секс-шопе, да еще вдобавок к физическому удовольствию получила моральное, обласканная вежливыми, не скрывающими уважения продавцами. Так нет же, черт возьми! Моему организму не нужен вибратор, ему подавай взбитые сливки. Извращенный он у меня и нестандартный. На него не угодишь.

Кто-нибудь возразит: «В чем проблема? Иди в универсам да покупай торт или пирожное». Я этому простаку искренне завидую и сейчас из вредности испорчу жизнь. Знаете ли вы, из чего делаются нынче взбитые сливки, как это знаю я, несчастная? Из пальмового масла. Причем не натурального, а порошкового. По крайней мере так мне рассказывала работница хлебозавода, и я ей верю. Потому что уже несколько лет как обнаружила страшную вещь: на тортах лишь видимость сливок – нечто красивое, малокалорийное и столь же мало съедобное. Большинство моих знакомых уплетает это за милую душу, а я не могу. То есть могу, но без удовольствия. А тогда зачем?

Потрясение мое было не меньше, чем у героини романа, которая на протяжении последних пяти глав замечала за своим возлюбленным различные странности и вдруг в одночасье узнала: да, он теперь вампир! Потому что разница между настоящими сливками и так называемыми растительными для меня столь же существенна. Растительные сливки,

соевое мясо, виртуальный секс – есть многое на свете, друг Горацио, от чего Гамлет тронулся бы умом даже без проблем с родней.

Но я – не изнеженный датский принц, а бывалый боец. За последние годы я лишилась: твердокопченной колбасы (вот не найти мне больше такую, у которой был бы вкус мяса, а не химии), голландского сыра (то, что носит теперь это название, не имеет с голландским сыром моего детства ничего общего) и даже любимого мороженого в виде трубочек (формально оно осталось, но из чего сейчас производится, боюсь даже помыслить). И, поверьте, ни один из своих редутов я не сдала без боя. Я проверяла продукцию различных фабрик, словно опытный дегустатор, и, пока хоть одна из них поставляла нормальную еду на прилавки магазинов, я эту еду обнаруживала и приобретала. Вот и в нынешних сложных обстоятельствах я не упала духом, а принялась обшаривать кондитерские, пока не обнаружила сеть кафе, где подают натуральные сливки. Туда я и наведывалась, когда организм требовал его побаловать. Компанию мне охотно составляла Настя.

Однако в тот день нас ждало жестокое разочарование. Жадно стуча ложкой о креманку, я набросилась на ее содержимое – и застыла, пораженная.

Очевидно, выражение моего лица было страшно.

– Зуб сломала? – в ужасе закричала Настя.

Предположение слегка меня утешило. Действительно, ко-

гда несколько лет назад я, грызя твердый и очень вкусный черный шоколад, сломала передний зуб, это было еще хуже. Особенно печальным подобное событие оказалось бы теперь, при глобальном кризисе, с легкой руки которого каждый поход к стоматологу вызывает в моем семействе пусть и локальный, но оттого не менее мощный финансовый кризис.

Короче, я пришла в себя и даже обрела дар речи.

– Попробуй хорошенько, что ты ешь, а? – жалобно попросила у подруги я.

– Взбитые сливки с фруктами, – подозрительно ответила она. – А что еще? Тебе что, таракан попался?

Я подошла к девушке за стойкой:

– Скажите, пожалуйста, как у вас делаются взбитые сливки?

– О, – обрадовалась девушка, – очень просто. Раньше приходилось взбивать, и они быстро оседали. А теперь есть такой баллончик, попфыкаешь – и готово. Срок хранения целых пять дней, и калорий меньше.

Вообще-то я человек выдержанный – преподавателю иначе невозможно.

Но это при условии, что не покушаются на святое...

– Баллончик! – гневно воскликнула я. – Баллончик! Почему у вас тут нигде не написано про баллончик? Почему на ценнике «взбитые сливки»? Сливки получают не из баллончика! Они получают из молока, а молоко берется из коровы! Они взбиваются миксером! Они не хранятся пять

дней!

– Вы че грите-то? – флегматично уточнила барышня.

Гнев мой угас. Ну что с нее возьмешь?

– Кавычки бы, что ли, поставили, – обреченно вздохнула я.

До этой гениальной мысли я дошла не самостоятельно. Недавно моя мама купила лососевые биточки, запах и вкус которых исключали всякую вероятность того, что это еда. По крайней мере предназначенная человеку. И что бы вы думали? Внимательно изучив коробку, я обнаружила как состав (растительный белок, разумеется), так и надпись: биточки «Из лососевых рыб». То есть «Из лососевых рыб» – это название, понимаете? И не придерешься! Что тебе мешает называть соевую конфету, например, конфетой «Из шоколада»? Ведь когда мы читаем: конфеты «Мишка на севере», – то понимаем, что вряд ли они действительно из медвежатины. Вопрос в одном: на ценнике в кафе следует написать «Взбитые сливки» или взбитые «Сливки»? Как будет честнее?

Мои размышления были прерваны официанткой.

– Кавычки? – неожиданно взвилась та, утратив всю свою невозмутимость. – Вы, блин, за кого нас тут держите? У нас приличное место, мы кавычек никому не ставим! Кавычек им подавай... дома сами себе со своим мужиком ставьте!

Я настолько опешила, что даже не рискнула сообщить девушке, что та, похоже, путает кавычки с клизмой, – тем более, упоминание мужика навело меня на еще более экзоти-

ческие мысли.

Опасливо оглядываясь, я ретировалась обратно за столик.

Настя мрачно ковыряла ложкой в креманке.

– С тобой стало невозможно, – горестно констатировала она. – Из-за тебя я перестала есть твердокопченую колбасу, голландский сыр и мороженое в трубочках. Теперь что, жить без сливок?

– Почему из-за меня?

– Потому что без тебя я могла себя убедить, что изменение их вкуса мне мерещится. А потом приходила ты и разбивала мои иллюзии. Между прочим, пять минут назад я ела вот эти сливки, и ничего. А теперь не могу. Стало невкусно!

– Это не я, это рецепторы виноваты, – поспешила оправдаться я. – Помнишь, я ходила к врачу из-за мигреней? И мне сказали, что все у меня в порядке, просто рецепторы коры головного мозга обладают повышенной чувствительностью. Они передают все правильно, но сильнее, чем у других людей. Это не болезнь, а генетически обусловленная особенность организма, повлиять на которую невозможно.

– Точно! – оживилась Настя. – Я спокойно беру чашку с кофе, а ты вечно обжигаешься. Говоришь, рецепторы?

– Они, гады, – подтвердила я. – Они еще и запахи усиливают, представляешь? Я сегодня в метро чуть не померла. Сперва ко мне подсел мужчина, от которого несло перегаром пополам с одеколоном. Меня затошнило, и я ушла в другой конец вагона. А там приличная с виду женщина наелась чес-

нока.

– Для профилактики гриппа, – кивнула Настя.

– А меня опять затошнило. Так я и шлялась по вагону, словно неприкаянная душа в чистилище...

Я пригорюнилась.

А ведь это еще не полный список проблем, вызванных чувствительностью рецепторов! К обонянию, осязанию и вкусу следует добавить слух. Я очень люблю балет и часто хожу в Мариинку – так последнее время мне хочется придушить одного из духовиков, вечно фальшивящего в самые патетические моменты. Лишь зрение не осложняет мне жизнь – я, по счастью, близорука.

Горевала я недолго – решать подобные проблемы организму было не впервой. Он у меня привередливый, зато опытный.

– Остается купить миксер, – сообразила я. – Твердокопченую колбасу или сыр самостоятельно, увы, не сделаешь, а сливки взбить – запросто.

– Ты действительно станешь взбивать сама? – подозрительно осведомилась Настя.

Учитывая мою лень в отношении домашнего хозяйства, ее подозрения были вполне оправданны.

Я пожала плечами:

– Если б у меня *уже был* миксер, то, наверное, не стала бы, а раз куплю, то и взбивать придется. Истратив деньги, я вынуждена буду их оправдать.

– Замечательно! – обрадовалась Настя. – Значит, купим миксер и поедem к тебе. Как гостеприимная хозяйка ты взобьешь сливки на двоих.

* * *

Огромный универсальный магазин находился в том же здании, что и кафе. Посетителей было немного, зато по залу слонялось немало скучающих продавцов в фирменных одеждах. Настя тут же подгрeбла к ближайшей девице и строго осведомилась:

– Где тут у вас миксеры?

– Э... чего? – не поняла та.

– Миксеры. Где мы можем их посмотреть?

Барышня уставилась на мою подругу примерно так, как смотрят на меня двоечники, когда я требую с них определение предела – со смесью недоумения и неприкрытой укоризны. Однако на Настю это не действовало – она ждала ответа. Спасение пришло с неожиданной стороны – у продавщицы зазвонил мобильный.

– Ой, Светка, привет! Здорово, что ты позвонила. У меня жизнь сейчас просто жесть. Да, работа дурацкая. Посетителей нет, а кто приходит, ничего не покупает. А шеф, козел, премию перестал платить. Говорит, премия зависит от продаж. А где я ему продажи возьму? Рожу, что ли? Ну, женщины, вы чего здесь стоите? Не видите – я занята, по телефону

говорю. Нет, Светка, это я не тебе. Тут какие-то тетки мешают. Мало вам, что ли, других продавцов – вон полный зал? Или сами поищите этот свой миксер...

– Сами, сами поищем, – поспешно согласилась я, увидев выражение Настиного лица.

– Из-за этого и произошел мировой кризис, – наставительно поведала подруга, насильно уволоченная мною в сторонку.

– Из-за чего?

– Из-за того, что основной рабочей массой стали представители поколения, не умеющего и не желающего работать. Они хотят получать большие деньги, даже не догадываясь, что деньги – это не просто бумажки, а овеществленный труд. Наш с тобой труд, между прочим. Их счастье, что еще не вымерли люди вроде нас, которым сильно недоплачивают, однако они ничего не могут с собой поделаться – все равно работают хорошо. Недоплаченное нам идет этому поколению. А мы в результате слишком активно расходует собственный жизненный ресурс. Вот посмотри, стоит она, свеженькая, с молодым, неизношенным мозгом, и упрямо отказывается его включать. Так он и останется в девственном состоянии – его сохранности можно только позавидовать! А ты, вместо того чтобы заставить барышню его активизировать, собираешься снова шевелить своими и без того потертыми мозгами. Это до добра не доведет! Мозг надо беречь. Тем более, у тебя там рецепторы.

— А я полагаю, кризис не из-за их поколения, а из-за нашего, — подумав (о боже! подумав! а мозг ведь надо беречь!), заявила я. — Юное поколение действительно не хочет работать, однако сильно навредить они еще не успели — слишком малы. Зато наше поколение привыкло трудиться, но как? Глянь на эти юбки. Есть на свете человек, в принципе способный их надеть? Я не говорю, заплатить за них деньги, а просто добровольно надеть, пусть даже бесплатно?

У меня часто мелькают подобные мысли в универсальных магазинах. Полки ломаются от товаров, но, едва потребуется что-то конкретное, выясняется, что найти пригодное к использованию невозможно. Ибо юбка пошита ради мифического существа, у которого талия вдвое шире бедер (причем существо жаждет подчеркнуть сей отрадный факт, украсив талию рюшами), новая компьютерная программа злобно отказывается слушаться даже столь опытного пользователя, как я, а сливки делаются из пальмового масла. Вот мы и утонули в океане никому не нужных, однако требующих больших издержек для производства вещей. Конечно, есть реклама, якобы помогающая их сплавить, но что-то я сомневаюсь в ее эффективности. По крайней мере в магазине, где я в тот момент находилась, продавцов было куда больше, чем покупателей.

За увлекательной беседой мы быстро дошли до хозяйственного отдела. Цена миксеров неприятно поражала. Мне не хватало денег даже на самый дешевый. К тому же, пока я

их рассматривала, к нам подскочил продавец.

Должна заметить, что мужчины все-таки умнее женщин. Ибо, в отличие от девицы, он явно сумел связать премию от продаж с наличием клиентов. Точнее, клиента, ибо на эту роль в обширном помещении претендовала я одна. Столь ущербное количество юноша решил компенсировать качеством, упрямо подсовывая мне комбайн стоимостью в целую зарплату. Я отнекивалась, он настаивал. Я уже почти дозрела до мысли открыть кошелек и продемонстрировать собеседнику скудную наличность, как вдруг мой взгляд уперся в товары со скидками. Прямо передо мной восхитительно блестя напольные весы стоимостью в две чашки кофе. Да еще, судя по фирме, английские.

Я уставилась на ценник, подозревая, что потеряла один ноль. Нет, все точно – две чашки. И что-то дрогнуло в самой экономной части моего мозга. Да тут одного металла на большую сумму! А красота какая! Серебристые, стильные – прямо-таки изысканный элемент квартирного дизайна. Вообще, я о весах давно подумывала, только считала их вещью дорогостоящей.

– Вот, – радостно воскликнула я. – Это то, что нужно. Спасибо!

– Это не миксер, – известил меня ошеломленный продавец, – вы перепутали. Это весы. А вы хотели миксер!

– Женщине, приобретшей весы, он не требуется, – снисходительно пояснила я. – Взвесившись, она не захочет сли-

вок, а погрызет салатный лист.

– Вот именно! – в ужасе подтвердила Настя. – Ты хоть понимаешь, что собираешься сделать? У нас в фитнес-центре весы, так и то я из-за них, проклятых, перестала есть жареную картошку! А то съешь тарелку – плюс килограмм, съешь другую – еще килограмм. Но у меня весы, слава богу, не дома!

– А у меня будут дома, – гордо парировала я. – И помогут мне съездить в Париж.

– Думаешь, если похудеешь, тебя кто-нибудь спонсирует? – заинтересовалась Настя. – Не знаю, не уверена. Разве что какой иностранец.

– Почему именно иностранец? – удивилась я. – Русских, по-твоему, хорошей фигурой не прельстишь? Или они более жадные?

– Можно и русского, – смилостивилась моя подруга, – но он непременно должен быть глухим.

Я задумалась (боже! опять задумалась! пора всерьез начинать с этим бороться!). Что общего между иностранцем и глухим русским? А вот знаю, что. И, увы, Настины слова лишь подтвердили мою догадку.

– Глухой тебя не услышит, а иностранец не поймет. Видишь ли, пока мужчина только смотрит, ты вполне можешь ему понравиться. Проблема в том, что он начинает вслушиваться – и сбегает.

Спорить не приходилось, ибо это была жестокая правда.

Каким-то загадочным образом я умею виртуозно ущемлять мужское самолюбие – быстро, ловко и незаметно для себя самой. Оправляется потом пострадавший долго, а боится меня до конца своих (или моих, сие пока не проверено) дней. Не то чтобы данный факт меня огорчал. Ну зачем мне под боком трепетное создание, которое обижается на каждое слово – тем более произнесенное не со зла, а по простоте душевной? Пусть трепещут где-то поодаль.

Впрочем, в данном случае это было неважно.

– Я вовсе не рассчитываю на спонсора, – снисходительно пояснила я. – Благодаря весам я сама скоплю нужную сумму. Потому что основная статья расходов у нас какая? Правильно, питание. А если я начну взвешиваться каждый раз до и после приема пищи, представляешь, сколько продуктов не съем? Расходы снизятся неимоверно!

И, подхватив под мышку облюбованный товар, я с достоинством прошествовала к кассе, чувствуя, как экономная часть моего мозга самодовольно раздувается и даже теснит соседнюю часть, ответственную за физические удовольствия. И пускай теснит, а то что-то последняя совсем уж распоясалась. Это ведь она со своими рецепторами возмущается растительными сливками и требует натуральных! А я, видите ли, должна ей потворствовать и мучиться, самолично взбивая сливки? Не дождется! Лучше буду холить и лелеять экономную, с ней куда меньше хлопот.

На кассе меня ждал очередной сюрприз. Вместе со сдачей

мне выдали яркую коробочку, сообщив, что сейчас идет рекламная акция и каждый, приобретший продукцию избранной мною фирмы, получает подарок. Несколько ошарашенная – мало мне весов по цене двух чашек кофе, еще и подарок дают! – я, конечно, коробочку взяла. На ней было написано: «Номер 16. Натуральный блондин».

– То-то же! – похвасталась я Насте. – За весы мне причитается натуральный блондин. Блондины мне всегда нравились. Правда, не очень понятно, где его получать. Тут в его адресе пропущено название улицы. Слушай, а может, мне выдадут сразу шестнадцать блондинов?

– Это краска для волос, – жалобно пролепетала кассирша. – Благодаря маслу оливы она не вредит вашим волосам.

Я не стала добивать бедную девушку вопросом о том, как краска может сделать человека *натуральным* блондином. Тем более, благодаря жизненному опыту, прекрасно знала, что «натуральный блондин» – это название. А на самом деле ты запросто превратишься в искусственную брюнетку – скажи спасибо, если вообще не в лысую. Масло же оливы вполне может оказаться цианистым калием. Так что разумнее всего было нежданный сувенир выбросить – тем более, и волосы я не крашу, и цвет не мой (я шатенка). Однако экономная часть мозга блюла свои интересы, заставив сунуть коробку в сумочку.

Возможно, историю следовало начать именно тут. Потому что без этого тюбика краски ничего бы не произошло. Ну или произошло что-нибудь совсем другое. Однако, являясь математиком, то есть человеком, привыкшим смотреть в корень, я начала со сливок. Ибо, не будь их (точнее, наоборот, *будь* они в продаже), я бы не отправилась за миксером. Сочтем это элементом случайности, допустимым в любом детективе. А дальше – сплошная железная логика. Разве не логично при описанных обстоятельствах, что вместо миксера я купила весы? По-моему, вполне. К весам мне выдали совершенно ненужную краску. Каждый, посещавший большие магазины в период акций, согласится, что нет ничего более естественного. После чего в дело вступают психологические законы. Ибо, имея весы, женщина просто не в силах не стремиться похудеть. Кто в силах, тот, боюсь, лишь по ошибке родился женщиной (или вообще имеет неосторожность быть мужчиной). Кроме того, заполучив подарок, человек обязательно им воспользуется (ежели вы не согласны, значит, экономная часть вашего мозга еще недостаточно разрослась, что в условиях мирового финансового кризиса довольно странно. Ждите, скоро разрастется).

Так вот, то, во что я в результате влипла, могло произойти только со стройной блондинкой – упитанную шатенку оно

бы миновало. Но не будем забегать вперед.

Итак, я оказалась без миксера, зато при весах. И, не скрою, взвешивание меня чрезвычайно увлекло. Например, иной раз за день вес меняется на два-три килограмма – трудно даже вообразить, где они на теле размещаются. Возможно, конечно, это весы стоимостью в две чашки кофе обладают импульсивным характером и всеми силами стремятся разнообразить мою жизнь. Иначе чем объяснить, например, загадочный феномен прибавки целого килограмма за ночь? Добавлю – ночью я не ем, а совсем наоборот. Бывает и по-другому: сходишь в гости, где тебя накормили на убой, взвесишься – глядь, похудела. Правда, со временем я поняла, что рано или поздно справедливость все-таки торжествует. Если после гостей ты сбросила килограмм, то на следующий день, когда тебе в рот ничего не лезет от сытости, неожиданно прибавишь два. Так что путем отслеживания динамики веса и выработки наиболее удачной стратегии приема пищи (а если нормальным человеческим языком – перестав нажираться на ночь) я к маю сбросила пять кило.

Результат получился впечатляющим. И не потому, что раньше я была так уж толста – вес у меня средний. Причина другая: похудание равномерно сказалось на всех частях моего тела, за исключением груди. Она упорно не сдавала своих позиций ни на сантиметр – а, замечу, сантиметров этих девяносто девять. Вскоре я стала чувствовать дискомфорт в общественных местах – мужчины упорно скашивали на ме-

ня глаза (смотреть в упор они не решались). Впрочем, понемногу я привыкла. Хочется им зарабатывать косоглазие – имеют право.

А краской, если честно, я пользоваться не собиралась. За то, что стала блондинкой, я должна благодарить правительство или даже лично министра образования и науки – ведь именно он был инициатором введения единого государственного экзамена. Боюсь, если б не пресловутый ЕГЭ, я так и прозябала бы в шатенках, пока не поседела. Но в высших сферах распорядились иначе.

Дело в том, что я люблю свою работу и привыкла выполнять ее хорошо. А о каком преподавании высшей математики может идти речь, если за счет приема по ЕГЭ в моем лекционном потоке половина первокурсников, казалось, вообще не ходила в школу (что не мешало им иметь высокие баллы)? В результате бесплодных попыток пробиться к их мозгам я возвращалась из института усталая и огорченная.

Что было делать? Сместить министра, увы, не в моей власти. Отчислить хотя бы тех двоечников, которые упорно отказываются учиться, – как выяснилось, тоже. Бросать работу пока не хотелось. И я решила стать блондинкой. Если не можешь поменять окружающую действительность – меняй себя, правильно?

Мужчинам данный пассаж советую принять на веру – все равно им это недоступно. А женщины поймут без длинных объяснений. Можно, конечно, взбадриваться с помощью шо-

пинга, но это стоит денег, на дворе же мировой кризис (и в кошельке тоже). А бесплатный тюбик краски – вот он, валяется у зеркала.

Результат не впечатлил. Я себе и я, только светлая. И почему о блондинках столько анекдотов?

Прозрение пришло на следующий же день. Я ехала в метро. Сесть было некуда, так что я привычно забилась в уголок. В другом конце вагона встал молодой человек, но я прекрасно понимала, что его место занять не успею, и не среагировала. На издаваемые им звуки тоже не среагировала – мало ли к кому они обращены? Но когда тебя хватают за рукав, не заметить нельзя. Оторопев, я позволила проволочь себя через полвагона. Там на свободном месте уже пристроился мужчина, однако мой загадочный визави злобно на него зыркнул, и мужчина вскочил. Представьте, я даже тут не просекла ситуацию – меня пришлось усаживать силой! Удовлетворенный, парень удалился в покинутый мною уголок и там остался.

Честно признаюсь, первая мысль была – уж не мой ли это студент, решивший подольститься в преддверии сессии? Хотя нет – явно старше. *Бывший* студент? Тогда бы он представился. Или я настолько плохо выгляжу, что отнесена к категории инвалидов? В рыцарей, уступающих место дамам из чистого благородства, я... ну не то чтобы не верю... пожалуй, верю – всякое бывает, но шанс на встречу с ними представляется мне близким к нулю. Примерно как найти на улице золотой самородок. Верю ли я в золотые самородки?

Безусловно. Однако знаю, что их на свете немного, причем основные залежи, к сожалению, располагаются в труднодоступных для меня местах.

Впрочем, времени ломать голову над проблемой не было, ибо я опаздывала в Мариинку. Влетела я туда в последний момент и, когда, взбегая по лестнице, увидела спешащую навстречу девушку, невольно порадовалась, что красotka не окажется со мною рядом. Именно такие во время действия мило щебечут по мобильному телефону и упрямо фотографируют со вспышкой, полностью игнорируя печальный факт, что вспышка не достает до сцены, а только слепит соседей. И лишь приблизившись, я с изумлением обнаружила, что смотрю на собственное отражение в зеркале.

Я пару раз моргнула – бесполезно. Да, это я. Вызывающая блондинка с распущенными волосами, в короткой юбке, обтягивающем топе и на высоких каблуках пялилась на меня из зеркала – кстати, совершенно бессмысленными глазами. Господи боже, да что ж со мною приключилось-то?

По нездоровой привычке я принялась анализировать. Ну, волосы я ношу распущенными всегда – неохота заплетать. Просто в перекрашенном виде они стали очень бросаться в глаза. Юбка короткая – это тоже понятно. Я сбросила пять килограммов, и одежда стала мне велика. Хорошо, я обнаружила чемодан со старыми шмотками – те сидели на мне словно влитые. Пожалуй, даже эффектнее, чем в давние времена, ибо оказались свободными в бедрах, зато обтягивали

грудь. А каблуки... ну да, надев короткую юбку, я поняла, что кроссовки с нею выглядят нелепо, и вынуждена была купить туфли на каблуках – тем более, после похудения мне снова стало в них удобно. Вот так и получилось... получилось это.

Дома, еще раз внимательно себя изучив, я с горечью поняла, что обходиться без косметики подобное существо не может. Требуется ему макияж, и все тут! Хорошо хоть тратиться не придется – у любой женщины есть целый склад подарков, полученных от невнимательных знакомых. Мой состоит из теней, помады и туши для ресниц. Много лет мне их дарят, а я не пользуюсь. Теперь как раз пригодятся. Конечно, краситься было лень, однако эстетическое чувство оказалось сильнее.

Эффект был разительный. Всю жизнь я жила в гармонии формы и содержания. В том смысле, что многие свойства характера отчетливо пропечатывались у меня на лбу, и это заметно гасило энтузиазм мужского пола. Блондинкой я не стала красивее, однако форма стала содержанию полностью противоречить – и, не скрою, мне понравилось. В природе подобное называется мимикрией. То есть летит себе птичка, видит на пути симпатичный сучочек и присаживается отдохнуть. Сучочек открывает рот и глотает ее, не жуя. Ибо это не сучочек вовсе, а маскирующийся удав.

Конечно, у меня не было *настолько* дурных намерений, и, тем не менее, превращение из самостоятельной женщины в

милую Барби принесло заметные дивиденды. Мало того что мне стали уступать место в транспорте и реже толкать – даже на работе, где меня знают как облупленную, начальство и коллеги мужского пола вдруг начали проявлять не свойственную им прежде заботу.

Получается, покрасилась я не зря – жить стало легче, и проблемы с двоечниками портили настроение заметно меньше. Однако основной вклад в его повышение внесла Настя. Подруга позвонила где-то в середине мая и подозрительно спросила:

– Скажи, ты не расхотела в Париж?

– Нет, конечно. Давно б поехала, да дорого, и визу трудно получить – у меня доход маленький.

– Дело в том, – продолжила Настя довольно сварливым тоном, – что нам принесли рекламу тура. Прямо сюда, на работу. Называется «Европейские столицы». Автобусный. Эта турфирма постоянно работает с нашим институтом, а ее менеджер Аня занимается у меня на курсах. Цена приемлемая, и говорят, с визой проблем не будет – у них связи в консульстве. Берлин, Амстердам, Антверпен, пять дней в Париже, а на обратном пути Вена. Нарочно, что ли, провоцируют?

– На что провоцируют? – не поняла я.

– Меня ученики давно терзают. Им кажется, раз преподаю иностранные языки, должна бывать в Европе. Вечно вопросы задают дурацкие! На один Париж я бы не согласилась, а тут можно отмучиться раз и навсегда. Буду отвечать, что

объездила всю Европу. Только, знаешь, нужно быть дурой, чтобы вместо лежания в Красном море бегать, высунув язык, по музеям. Разве ж это отдых?

– Это называется «культурный отдых», – поспешила уверить я. – В Египет ты и так летаешь каждый год! Я вот сменила имидж – и жить стало веселее. Тебе тоже надо совершить что-то радикальное. Например, съездить в эту поездку. Нам ее судьба послала. Не станешь же ты идти против судьбы?

* * *

Вот так мы собрались в Париж, и жизнь стала прекрасна. Я скачала из Интернета программу тура и принялась за подготовку: сперва начертила наш путь на карте Европы, а потом обложилась томами «Энциклопедии искусств», откуда стала последовательно выписывать достопримечательности мест, которые нам предстояло посетить. Занятие это доставляло мне невероятное наслаждение. Что касается Парижа, его я приберегла на закуску и пол-июня в упоении обдумывала, как разумнее распорядиться положенными на любимый город пятью днями. Единственное, что меня волновало, это виза. Вот не дадут ее, и все сорвется!

Момент ее получения настал в конце июня – а ехать мы планировали в начале июля, сразу по окончании сессии. Менеджер Аня сообщила, что нам необходимо явиться в консульство на собеседование, но беспокоиться не о чем, это

формальность. В случае чего, она будет рядом и поможет.

Несмотря на подобные заверения, в консульство я ехала в состоянии легкого умопомрачения. Только этим могу объяснить сделанные по пути покупки. Вообще-то одежду я приобретаю редко и по необходимости. Вышло из строя пальто – ищу новое, причем долго обдумываю и выбираю то, что со скидкой. Хотя сейчас баланс цен настолько сдвинулся, что смысла в этом уже нет. В продуктовом магазине за один раз привычно платишь больше, чем стоит красивая блузка, которой из экономии пренебрегаешь. Не будем говорить о театральных билетах – за них иной раз приходится выкладывать такую сумму, что можно было бы сменить половину гардероба. Очевидно, тут дело в приоритетах. Без новой тряпки я сумею обойтись, а без еды и Мариинки нет.

Однако не бывает правил без исключений. В тот день у самого входа в метро я была остановлена следующими поразительными словами: «Девушка, смотрите, какие красивые юбки! А вот эта – маломерка, на совсем худенькую. Ни на кого, кроме вас, не налезет. Дешево отдам!» Сперва, впрочем, я на данный спич не среагировала, ибо «совсем худенькую» к себе отнести не могла. Но, обнаружив, что обращаются именно ко мне, польщенно приблизилась к лотку, словно кролик к удаву. Юбки и впрямь оказались симпатичные, а цена маломерки – чуть больше стоимости проезда от моего дома до консульства и обратно. А, самое главное, сидела она на мне как влитая. Примеряла я ее прямо на улице,

прикрытая какими-то платками, — честное слово, никогда бы на подобное не пошла, не находишься в состоянии обалдения. Очевидно, всем окрестным торговцам тут же стало ясно, что я являюсь легкой добычей, и они накинулись на меня с разнообразными предложениями. Приобретая, к собственному удивлению, еще и футболку, я, наконец, вырвалась у них из рук и нырнула в метро.

Кстати, после этого эпизода я наконец-то поняла шопоголиков. О них последнее время много пишут, а мне все не верилось. Не понимала я, как и зачем можно купить то, что тебе совсем не нужно. Теперь знаю и как, и зачем. Надо привести себя в невменяемое состояние, и процесс пойдет словно по маслу. Причем польза от шопинга налицо. Изучая новые приобретения, я совершенно перестала волноваться о визе.

К консульству я явилась, громко шурша пакетами. Менеджер еще не подошла, а Настя и группа туристов уже были на месте.

— Что это? — в недоумении спросила меня подруга.

— Юбка, — со вздохом информировала я. — А еще, похоже, футболка. Как ты считаешь, она на меня налезет?

И я вытащила нечто невообразимо розового цвета.

— А... а где ты это взяла? — неуверенно поинтересовалась Настя.

— Купила. По пути. Еще юбку. Вот, смотри.

— А... а тебе что, нужна была такая юбка? — уточнила хорошо знающая меня подруга. — Где ты ее собираешься но-

силь?

– Совершенно не нужна, – откровенно призналась я. – Но раз купила, носить придется. Ее я, по крайней мере, примерила, а вот футболку... по-моему, будет мала.

Из-за моего плеча послышалось сдавленное мужское ржание, однако я решила не реагировать. Обсудить животрепещущий вопрос было важнее.

– Думаю, налезет, – решила Настя, – только в груди будет тесновато. А цвет тебя не смущает?

Я пожала плечами:

– Меня больше смущает цена. Абсолютно не помню, сколько я за нее заплатила. Неужели много?

– Слушай, – обрадовалась моя подруга, – ты, наконец, научилась беречь мозги. Молодец! Отключай их почаще, тебе полезно.

– Это процесс неконтролируемый. Сейчас они снова включились. Я догадалась, как узнать цену. Я помню, сколько брала с собою денег. Сейчас посчитаю, сколько осталось.

Вскоре выяснилось, что футболку я приобрела почти даром. Очевидно, экономлю я рефлексивно, без участия разума – крайне полезный в условиях мирового кризиса навык.

– Возьму этот наряд с собой, – успокоившись, решила я. – На работу в нем, конечно, не пойдешь и в театр тоже, а на отдыхе – почему бы нет?

– Только учти, – хмыкнула Настя, – прибавишь хоть килограмм, и оно на тебе треснет. Прямо посередине Парижа. И

тебя арестуют за эксгибиционизм. Придется тебе захватить и весы. Ну или хотя бы безмен. У меня он есть – правда, старый и немного ржавый.

– Безмен? – удивилась я. – Зачем?

– Я взвешиваю на нем то, что съела за день.

– Взвешиваешь то, что съела? – подозрительно уточнила я. – Или все-таки то, что еще не съела?

– Конечно, то, что не съела! – возмутилась Настя. – Я же должна определить, сколько нам с тобою закупать продуктов в поездку. Ты забыла, что в тур входит один завтрак, и тот европейский, а кафе на Западе жутко дорогие? В такой ситуации вопрос питания выходит на первый план. Я голодать не собираюсь! Поэтому нашла безмен и отслеживаю. Если хочешь, могу взять его с собой, чтобы ты контролировала свой вес.

Это было слишком даже для меня.

– Безмен у тебя на сколько килограммов, а? Пять, десять?

– Ну, вообще, на пять, – не стала скрывать от меня подруга. – Но ты и не собираешься толстеть за две недели больше, чем на пять килограммов, правильно?

Я не нашлась, что ответить. Тем более наконец появилась Аня. Мы гурьбой прошли в консульство. Там нас по очереди вызывали к окошку, за которым таился вершитель визовой судьбы. Признаюсь, интеллектом я не блеснула. Меня огоршили сложным вопросом: «Цель вашей поездки?» Цели мои были столь многообразны, что я лишь молча пялилась на со-

беседника, не в силах сформулировать ответ. Но милая Аня страшным шепотом подсказала – «туризм же, туризм», и я робко прошелестела: «Туризм, наверное?» Больше меня ни о чем не спрашивали – как я не рискую спрашивать двоечника, если ему чудом удалось списать именно то, что нужно, и я наконец с чистой совестью могу поставить ему «три».

* * *

Итак, Рубикон был перейден, и я осознала, что действительно еду. Культурная программа была готова, оставалось собрать вещи. Интернет обещал хорошую погоду, однако в данном вопросе я доверяю исключительно старинной народной примете: не возмешь с собою зонтик – быть дождю (действует в любое время года). Зонтик я, естественно, упаковала, а вот насчет теплой одежды терзалась сомнениями. Еще Настя замучила меня, каждодневно меняя список требующихся продуктов. Подругу осенила гениальная идея расфасовать провизию по отдельным мешочкам, подписав каждый – например, «третий день, обед» или «восьмой день, ужин». Это позволит нам на стоянках молниеносно выхватывать из багажа нужный комплект, не задерживая товарищей по путешествию. А перед самым отъездом, словно мало было других хлопот, мне подсунули корону.

Впрочем, даже предполагай я, какими проблемами это обернется, отказаться бы не смогла. Корона требовалась

Яночке, чтобы танцевать в Вене Аврору. Поясняю для нормальных людей. Есть в Мариинке очаровательная танцовщица по имени Яна – любимица балетоманов. Администрация, похоже, наших чувств не разделяет, и Яне не дают больших ролей. Мы по этому поводу дружно переживаем. Зато недавно я услышала от Виталия, который, в отличие от меня, не только восхищается артистами из зала, но и общается с ними непосредственно, что Яну приглашают в Венскую оперу на роль Авроры в «Спящей красавице». Это было приятное для всех нас известие. Конечно, выступления мы не увидим, но бескорыстно радовались Яниной удаче. А частично и корыстно – вдруг после успеха за границей Яну, наконец, оценят в родных пенатах?

Однако пока что начальство не собиралось идти нашей любимице навстречу. Ей отказались дать хоть небольшой отпуск для подготовки партии и обязали именно сейчас поехать с труппой на гастроль, где Яна будет каждый вечер (а иногда еще и утро) выходить в кордебалете. Слава богу хоть гастроль по Европе, а не в каком-нибудь Таиланде, так что Яна успеет по окончании добраться до Вены.

И вот накануне моего отъезда Виталий сообщил, что бедная девочка забыла взять с собой корону. А ведь она ее тщательно подбирала и так дивно в ней хороша! На крайний случай в Вене ей, наверное, что-нибудь предложат, но, кто знает, красиво ли это будет сидеть и не помешает ли во время танца? В дебютном выступлении важна любая мелочь. Поэто-

му было необходимо срочно переправить корону Яне. Почте Виталий не доверял – и я его понимала. Получишь посылку на следующий день после спектакля, да еще всю измятую. Удачное совпадение, что я буду в Вене одновременно с Яной. Там я встречу с нею и передам ценный реквизит. Разумеется, я охотно приняла небольшой пакет.

Дома я открыла его и внимательно осмотрела содержимое. Корона была прекрасна: ажурная, золотая, усыпанная крупными жемчугами и бриллиантами (хочется верить, искусственными). Тут же возник вопрос, куда ее упаковать, дабы не повредить в пути. Мой багаж состоял из чемодана на колесиках и большой сумки с вещами первой необходимости – в основном, признаюсь, продуктами питания. Во время путешествия чемодан я предполагала держать в багажнике, а сумку под сиденьем автобуса. Представив себе, как в багажнике на Янино сокровище поставят сверху что-нибудь тяжелое, я подыскала для короны подходящую картонную коробочку, чтобы, не дай бог, не помялась, и сунула в сумку. Тем более, все равно приходилось в спешке собирать еду заново, ибо Настя позвонила с очередными ценными указаниями, после которых я полночи переправляла надписи на пакетиках – например, «третий день, обед» превратился в «шестой день, ужин» (не спрашивайте, почему. Я лично уточнять не рискнула).

Наконец судьбоносный миг настал. Шестого июля в два часа дня мы с Настей стояли на платформе, высматривая брестский поезд. Тот отсутствовал – немудрено, поскольку отъезд был назначен на три. Однако Настя мудро заметила, что лучше прийти на час раньше, чем на минуту позже. В результате мы первые влетели в свой плацкартный вагон (купейный вдвое дороже, а нам эти денежки пригодятся в Париже) и угнездились на положенных местах.

Настина предусмотрительность оказалась кстати. Не прошло и десяти минут, как в дверях возникла дама, приятная во всех отношениях. Нет, неправильно. «Возникла» предполагает элемент неожиданности, а я, цепенея, заранее готовилась к ее появлению. Бывают у меня иногда приступы прозорливости. Едва громовой голос, явно предназначенный природой для командования армией на плацу, возмущенно известил округу: «Проводник одет не по форме. Застегните пуговицы, это дома можно ходить расхристанным, на работе вы обязаны выглядеть аккуратно. А чьи вещи тут в проходе? Убрать немедленно. Мне надо пройти! Вы знаете, что значит слово „немедленно“?...» – так вот, едва эти сентенции донеслись до моего слуха, как интуиция гнусно подсказала сразу две вещи: во-первых, что это педагог (мне ли не узнать коллегу?), а во-вторых, что она поедет рядом с

нами. А самое гнусное в поведении интуиции – та, увы, не ошиблась.

Итак, дама застыла в дверях нашего купе. Застыла не потому, что деликатно решила поздороваться, прежде чем войти, а потому, что застряла. Я, потеряв от дурных предчувствий дар речи, тоже не проявила деликатности и молча плялилась. Впрочем, было на что! Возраст попутчицы определить не берусь (за тридцать? за пятьдесят?), а вот вес ее оценила бы как центнер с небольшим... или даже с большим. Вся эта масса была затянута в трикотажные черные брюки с воздушной белой блузкой – затянута так плотно, что тело казалось состоящим из отдельных фрагментов: грудь, живот, второй живот, третий живот. Представьте себе очень толстую гусеницу, и вы поймете, о чем речь. Лицо, тонущее в нескольких подбородках, покрыто густым слоем косметики – от тонального крема до кровавой помады и сверкающих бирюзовых теней. Прическа почему-то вызвала в памяти полузабытое слово «перманент». Перед собой дама катила огромный клетчатый чемодан. Она ловко пропихнула его в купе, отдавив Насте ногу (я успела задрать свои на полку), и теперь он занимал все пространство, так что войти стало невозможно.

– Что вы тут делаете? – возмущенно спросила вновь прибывшая, уставившись на нас с Настей.

– Едем, – честно, хоть не вполне верно ответила моя подруга (поезд пока стоял).

– Пересядьте на свои места и освободите наши. Я жду.

У нас с Настей полки были одна над другой, так что мы обе сидели на нижней, а на верхней стояла сумка. Я внимательно изучила номера – нет, все в порядке, мы там, где положено.

– А какие у вас места? – поинтересовалась Настя.

– Нижние, – сообщила дама. – А вы пересядьте туда.

И она так наглядно указала перстом вверх, что я представила, как мы с подругой, словно пара воробушков, взлетаем на верхние полки и заседаем на них до конца путешествия. Впрочем, спать мне в любом случае предстояло наверху – Насте на второй полке становилось плохо.

– А у нас – нижнее и верхнее, – с достоинством парировала моя подруга. – Номера девять и десять. А у вас какие номера?

– Одиннадцать и двенадцать.

– Так вот они, – я, к радости своей обретя дар речи, указала напротив.

– Возмутительно! – прошипела дама. – Ведь знали, что заказывают билеты солидным людям, а не каким-то вертихвосткам. Могли бы позаботиться, чтобы было два нижних. Это не турфирма, а бордель! Совершенно не умеют работать!

Она выхватила из недр декольте мобильный телефон на цепочке и принялась бешено нажимать на клавиши.

– Аня, это ты? Говорит Маргарита Васильевна. Что это такое, почему у нас верхние места, а у каких-то девчонок

нижние? Ну, пусть одно из них верхнее, все равно безобразие! Поменяйте срочно. Что значит «поздно»? А о чем вы раньше думали?

– Ритусик, не волнуйся так, тебе вредно! – пропел из коридора нежный голосок, и в наше купе попыталась втиснуться дама... на фоне дамы, приятной во всех отношениях, назовем ее просто приятной. Среднего роста, средней комплекции, среднего возраста и вообще какая-то средняя – даже описывать нечего. Она, поднырнув под руку подруги, сдвинула ее чемодан и, умудрившись втиснуться в купе, сообщила в пространство: – Не думаешь же ты, что нам действительно придется ехать на верхних полках, а на нижних поедут молодые девочки? Мы же с тобою педагоги и знаем, что нынешние детки очень хорошие и добрые. Они уступят нам место.

Признаюсь, став блондинкой-маломеркой, я привыкла ко всякому, однако «детки» меня ошеломили. Особенно если учесть, что на второй даме косметики было существенно меньше, чем на первой, и я поняла, что она старше нас с Настей максимум лет на десять.

– Вам не придется ехать на двух верхних полках, – вежливо информировала Настя. – Вы поедете на верхней и нижней, согласно купленным билетам. И мы тоже. Приятно познакомиться. Меня зовут Настя, а это Катя. Мы все, похоже, от одной турфирмы?

– Вы тоже в Париж? Как замечательно! Приятно встре-

титься с культурными людьми, это сейчас такая редкость. Меня зовут Ира, а это Ритуся.

– Маргарита Васильевна, – сурово поправила Иру подруга.

И наши соседки рьяно принялись запихивать чемодан под полку – затея совершенно бесполезная, учитывая его размеры. Во время этого процесса дама, приятная во всех отношениях (сокращенно ДПВО), на все лады чихвостила даму просто приятную (соответственно, ДПП), уверяя, что, если бы та позаботилась о получении двух нижних мест, проблем с размещением вещей не возникло бы. Видимо, наши с Настей сумки в этом случае были бы выброшены в коридор – что, кстати, помогло бы лишь при условии распиливания чемодана надвое, целиком он все равно никуда не помещался. Мне очень хотелось об этом сказать, однако я благоразумно молчала. Молчала и Настя.

В конечном итоге Маргарита Васильевна заставила проводника поднять чемодан на третью полку, где он опасно ерзал, и принялась обустриваться, тут же заняв провизией весь столик нашего купе. По разговорам я быстро поняла, что она – директор элитной гимназии, а Ира в той же гимназии преподает французский. Дамы оживленно обсуждали школьные дела – кстати, есть ли на свете кто-нибудь, кроме нас, педагогов, даже на отдыхе постоянно твердящий о работе? Мне их активность была на руку, ибо я прекрасно понимала – чем позже Маргарита Васильевна заметит открытое

окно, тем выше мои шансы выжить. Обнаружив, она тут же его закрывает, и все стоны о том, что день стоит чрезвычайно жаркий, не помогут. Так и случилось. Спустя какое-то время я поняла, что находиться в купе больше не в силах. Пришлось выйти и торчать у туалета, мешая проходящим.

В одиннадцать я влезла на верхнюю полку и попыталась заснуть. Не тут-то было! Я тут же покрылась липким потом, а в висках запульсировала кровь. Напротив меня ворочалась Ира, тоже явно страдающая. Действительно, теплый воздух поднимается вверх! Зато Маргарита Васильевна храпела вовсю, и даже Настя, похоже, спала.

Я слезла с полки и вернулась в тамбур. На ночь я надела шортики и короткую майку – не слишком приличный наряд для променада, однако я решила, что ночью вряд ли кого встречу. Не тут-то было! Каждые десять минут за мной пытались занять очередь, я честно признавалась, что в ней не стою, после чего меня начинали сверлить подозрительными взглядами. Когда в три часа ночи какой-то тип сурово спросил, сколько я беру (уж не знаю, приняв ли меня за хранительницу платного туалета или за проститутку, избравшую оный местом профессиональной деятельности), я не выдержала и поплелась обратно в купе. Забравшись на верхнюю полку и почувствовав удушье, я подумала – лучше быстро погибнуть от рук соседки, чем так мучиться. Воровато оглядевшись, я слегка опустила окно, чтобы напротив меня образовалась щель. В тот же миг в эту щель высунулся Ирин

нос. Мы жадно дышали, пока не уснули.

* * *

Утром мы были в Бресте. Там нас встретили и усадили в автобус, в котором группе предстояло пересечь границу и проехать через пол-Европы. Места, слава богу, были распределены заранее, так что драки не произошло. Мы с Настей сидели в середине, а сразу за нами оказались знакомые дамы. Автобус пристроился в хвост огромной очереди. Гид Алекс, тощий высокий парень с копной кудрявых волос, первым делом вручил всем бланки таможенной декларации.

— В пункте три во всех разделах ставим галочки в квадратике «нет», — бодро посоветовал он. — Заполните все побыстрому и можете сбегать перекусить. Раньше чем через час не уедем.

Пункт три звучал так: «При мне и в моем багаже имеются товары, требующие обязательного декларирования и перемещение через границу которых производится по разрешительным документам соответствующих компетентных органов», причем первым же разделом шли «изделия из драгоценных металлов и драгоценных камней в любом виде и состоянии». Интересно, моя... то есть Янина корона является подобным изделием? Та, которая жизненно необходима для дебюта в «Спящей красавице». Камни фальшивые, но ведь сказано «в любом виде и состоянии»! В виде подделки, зна-

чит, тоже?

– Как быть с короной? – прошипела я Насте в ухо. – У меня нет на нее документа компетентных органов.

– И не надо, – вслух ответила подруга. – Бутафория не считается.

Я неуверенно поставила галочку, легко проскочила графы «оружие всякое, боеприпасы, взрывчатые вещества», а также «наркотики и психотропные средства» и уперлась взглядом в «печатные издания и другие носители информации».

– У меня с собой книга, – мрачно призналась я гиду. – Печатное издание?

– Книга не считается, – подумав, сообщил он. – Везде отвечайте «нет», и все будет хорошо.

Я вздохнула. К сожалению, по природе я – человек честный и законопослушный. Я с этим по мере сил борюсь. Сами понимаете, если выполнять все правила и законы, полностью платить налоги и переходить дорогу, руководствуясь сигналом светофора, а не видом мчащихся машин, вскоре либо погибнешь безвременной смертью, либо будешь отправлен в ближайший желтый дом. И ведь знаю это, а тянет к правдивости, словно наркомана к анаше. Вру иногда, куда денешься, но для вранья мне требуется серьезная психологическая подготовка. А стоит расслабиться – и опять принимаюсь за свое.

Подозреваю, из-за внутренней честности я обычно и по-

падаюсь. Коллега пропустит половину занятий – и ничего, а когда я один раз за пять лет отпущу студентов из-за разболевшегося зуба, в пустую аудиторию заявляется не только диспетчер, но даже декан, который вообще никогда ее не посещает! И это логично. Кто рожден добропорядочным, нарушать не должен. Против природы не попрешь.

подавив внутренний протест, я отметила-таки нужный квадратик, ненадолго притормозила на «ядовитых и сильнодействующих веществах и лекарствах» (у меня с собой целая аптечка, причем кое-что действует весьма сильно, однако это, вероятно, тоже не считается?), с удовлетворением отвергла «радиоактивные материалы» и в ужасе вскрикнула.

– Нет у вас этого, нет! – нервно повторил Алекс, заглядывая мне через плечо. – Поверьте опытному гида.

Поверить очень хотелось, и я на всякий случай перечитала вслух:

– Объекты флоры и фауны, их части и полученная из них продукция.

Они издеваются над нами, что ли?

– У меня футболка из хлопка, – проинформировала я. – Получена из флоры и фауны. Еще еда – флора и фауна с примесью химикатов, наверняка сильнодействующих и ядовитых.

Амбал, сидящий напротив меня, весело заржал, зато Маргарита Васильевна озадаченно подтвердила:

– Это правда.

– Да, правда, – легко согласился Алекс. – Но если вы ее напишете, всю группу задержат на таможне. Вам это нужно?

Законопослушность заткнулась, не выдержав испытания реальностью, и я быстро проставила оставшиеся галочки, после чего мы с Настей отправились в кафе. Там я с изумлением обнаружила, что подруга моя отчаянно нервничает. Я, и сама немного переживая, утешительно улыбнулась:

– Ладно, не одни мы такие. Мне кажется, все пройдет без проблем.

– Это тебе *кажется*, – мрачно ответила Настя.

В голосе ее было столько уверенности, что мне стало не по себе.

– Думаешь, надо было указать в декларации правду? – уточнила я.

– Да забудь ты про декларацию! – возмутилась подруга. – И не делай вид, что ничего не видела. Причем учти – это на две недели. День и ночь. Пусть даже только день, все равно мало не покажется.

Я задумалась. Что я должна была видеть? Автобус вроде бы нормальный. В первую очередь я проверила, как работает кондиционер, и убедилась, что над каждым сиденьем индивидуальная трубочка, из которой дует. И сколько бы ни возмущалась Маргарита Васильевна, я свою не отключу.

– Ты о чем? – наконец, устала ломать голову я.

– О рыжих близнецах, – шепотом, словно нас могли подслушивать, сообщила Настя. – О чем же еще?

– О рыжих близнецах? – ошарашенно переспросила я. Настю передернуло, и она повторила:

– О рыжих близнецах...

Причем таким тоном, словно как минимум извещала о захвате нашего автобуса чеченской группировкой, успевшей заявить, что каждый день собирается расстреливать по паре туристов, а начнет с симпатичных педагогов.

Очевидно, на моем лице выразилось недоумение, и Настя пренебрежительно махнула рукой:

– Совсем забыла, ты же никогда не работала с подростками. Значит, тебя ждут новые, незабываемые ощущения. Сразу предупреждаю – я даже не буду пытаться ничего сделать. Я утихомириваю любого подростка одним взглядом, ты знаешь. Рыжие близнецы – исключение. Особенно если им лет одиннадцать-двенадцать. Я связываться не рискну. Ну разве что они в буквальном смысле сядут мне на голову.

– Зачем им? – удивилась я.

– Вдруг не найдут себе занятия поинтересней? Чем вообще могут заниматься гиперактивные подростки во время восьмичасового переезда в автобусе? Мне страшно даже представить. И не говори потом, что тебя не предупреждали! Я никогда не ждала от Парижа ничего хорошего, и вот оно началось. Хотя кто тебя знает? Возможно, тебе понравится? Тебя, надеюсь, умиляют детские шалости – прыжки по потолку, дикие крики, избиение соседей?

Перечень впечатлял, особенно прыжки по потолку, одна-

ко в целом в опасность рыжих близнецов я верила не слишком. Ну близнецы, ну рыжие. Их же двое, не десяток. При чем наверняка с родителями, которые за ними присмотрят. Тем не менее мандраж подружки передался мне. Я тоже принялась нервничать, хоть и по другому поводу. Это словно вирус гриппа – тебя обчихали, а в результате, например, воспаляется желудок. Короче, я снова вспомнила чертову декларацию. Да, в ней положено врать, и всем это сходит с рук, но я-то – не все! Я из тех, кому врать противопоказано. Вдруг меня уличат?

– Слушай, – не выдержав, сменила тему я, – как ты считаешь, могут таможенники проверить мою сумку?

– Наверное, – пожала плечами Настя. – А что? Там у тебя в основном еда. Баночки паштета, колбаса в нарезке, сыр, йогурты. Ни один таможенник не догадается, что они из флоры и фауны, одна ты такая умная.

– Да не в еде дело, – объяснила я. – Пусть она из флоры и фауны – ну выкинут, и ладно. Меня волнует корона. Она золотая, с жемчугами и бриллиантами. По крайней мере на вид.

– Что значит – выкинут, и ладно? – вскинулась моя подруга. – А есть что будем? Денег-то в обрез. Я им не разрешу. А корона твоя кого интересует?

– Таможенника, кого еще? Изделие из драгоценных металлов и драгоценных камней, которое я не внесла в декларацию, к тому же не собираюсь возвращать обратно в страну.

Меня арестуют как преступницу, и я не попаду в Париж.

– Тоже мне, преступница нашлась! Думаешь, хоть один таможенник решит про жемчуга и бриллианты размером с виноградину, что они настоящие? У них в этом деле большой опыт. В крайнем случае, заберут корону на экспертизу, а на обратном пути вернут.

– На обратном пути? – ужаснулась я. – В чем же Яна будет танцевать? Вдруг ей не пойдет чужая корона, выступление провалится, а виновата буду я? Я этого не переживу!

– Да не тронут твою корону! Вряд ли кто-то станет всерьез обыскивать наши вещи. В крайнем случае откроют чемодан, глянут сверху, и все. Если каждого обыскивать, мы и через сутки не уедем.

И мы приступили-таки к трапезе, однако обе никак не могли успокоиться, даже с набитыми ртами мыча друг другу: «Но рыжие близнецы... но корона... близнецы... корона...»

Менее крепкие нервы оказались у Насти:

– Где лежит твоя несчастная корона, а?

– В сумке, в специальной коробочке. Сверху, чтобы не помялась. А сумка в автобусе, под сиденьем. Вот откроют и увидят...

– Так переложи корону, чтобы не бросалась в глаза, – посоветовала мне подруга. – Слышать про нее не могу! Спрячь на дно и успокойся.

Несомненно, полного успокоения предложенная мера не гарантировала, однако это было лучше, чем ничего. Мы вер-

нулись в автобус, где уже сидело несколько человек.

– Заодно вытащи «О1» и «У1», – велела Настя. – Нам они сегодня понадобятся.

Еще бы – это ведь обед и ужин на первый день! Я судорожно рылась в сумке, но они почему-то никак не попадались, несмотря на то что я специально разместила их поближе. По большому счету, их смело можно было заменить на «О» и «У» с другими номерами, однако не хотелось вносить путаницу в тщательно разработанное Настей меню. Вскоре я поняла, что в тесноте, да еще под озадаченные взгляды окружающих, вряд ли что найду, поэтому взяла сумку и отправилась в туалет.

Там было пусто, и я принялась выкладывать вещи на подоконник. Сперва, конечно, драгоценную коробочку с короной, а затем остальное. Через какое-то время среди тщательно пронумерованных пакетов с едой я обнаружила один, который забыла подписать. Представив себе возмущение Насти, поймавшей меня на халатном отношении к порученному делу, я решила исправиться и внимательно осмотрела находку. Признаюсь, она меня озадачила. Пакет оказался непрозрачным, запаянным и содержал, насколько я могла понять на ощупь, какой-то порошок. Это никак не походило на собранный в дорогу комплект провизии – скорее уж на нераспечатанную соду или соль.

Наверное, нормальный человек на моем месте, точно зная, что ничего подобного с собой не брал, насторожился

бы. А я нет. Дело в том, что внимательность — не самая сильная моя сторона. Если предположить, что мне, словно принцессе Авроре из ожидающего Яну балета, феи раздавали подарки при рождении, то фея внимательности не просто поскупилась, а вообще проигнорировала мероприятие. Первой на месте загадочным образом оказалась фея лени (вероятно, она осталась тут с предыдущего праздника, поленившись уйти). За ней тут же пристроились феи ума и чувства долга, и они так медленно и нудно вытаскивали свои малоаппетитные дары, что феи практичности и здравомыслия, которым положено следовать сразу за ними, устали ждать и улетели, не попрощавшись. Что же касается злой феи, обычно желающей бедного ребенка уморить, в данном случае она, похоже, передумала. Вполне логично! Представьте себе умное существо без малейших признаков практичности и здравомыслия, запредельно ленивое, зато с патологическим чувством долга (то есть меня). Всякая злая фея должна пожелать ему долгих лет, дабы хорошенько помучилось. И только фея юмора, прибежавшая последней, пожалела бедное дитя, нежно плюнув ему на макушку. Иногда я думаю, лишь этот плевок и спасает меня в жизни.

Короче, легкое недоумение я испытывала, однако в том факте, что по ошибке прихватила невесть что из кухонного буфета, ничего невероятного не находила. Но тут в дело вступил мандраж. Мне представился суровый таможенник, вынимающий из моей сумки один пакет за другим и строго

вопрошающий: «Это что? А это что? А это?» И я в ответ рапортую: «Обед номер три... ужин номер десять... корона для Яны... ох, а что здесь, понятия не имею. Это я взяла по ошибке». «Ах, не имеете? – возгласит таможенник. – Какая-то вы подозрительная личность! Может, тогда и корона ваша из натуральных драгоценностей, каковые вы стремитесь вывезти нелегально в Европу с целью наживы? А ну, подавайте ее мне на экспертизу!»

Умом я понимала, что подобное развитие событий маловероятно, однако мандраж упрямо твердил свое. Я почувствовала, что не успокоюсь, пока не проверю, что в пакете. Разорвав упаковку, я обнаружила внутри еще одну, которую тоже разорвала. Внутри, как я и предполагала, оказалась сода или что-то на нее похожее. Послунявив палец, я подцепила на него крупинку и лизнула. Очень противно, аж язык занемел. Впрочем, соду я никогда в сыром виде не употребляла, может, она и такая. Только странно, почему на обертке нет надписей. Название там, производитель, калорийность. Хотя есть ли калорийность у соды?

– Да никакая это не сода, – гордо сообщил мой начитавшийся детективов мандраж. – Это тебе подсунули наркотики. Те самые психотропные средства, о которых ясно предупреждают в декларации. Как Бриджит Джонс в Тайланде, помнишь? А дальше тебя, как и ее, арестуют. Только у тебя нет любовника-адвоката, который бы тебя из тюрьмы вытащил.

– Надо быть реалистичнее, – попыталась я осадить неуместного собеседника. – Какие еще наркотики? Я их в глаза никогда не видела.

– Вот потому именно тебе их и подсунули, – злорадно заявил мандраж. – Чтобы ты по своему простодушию их не опознала. Тебя скоро арестуют, а багаж направят на экспертизу. И этот пакет, и корону. Яна тебя проклянет, как пить дать. И все твои балетные друзья тоже. Испортишь человеку карьеру, а из-за чего? Из-за того, что собираешься тащить через полЕвропы какой-то дурацкий пакет. Оно тебе нужно?

И вот парадокс! Хотя я была совершенно уверена, что эти предположения – бред сумасшедшего, глазами души я четко видела страшную картину, только что нарисованную внутренним голосом. У него прямо-таки открылся описательный талант! Я поняла, что теперь при таможенном осмотре буду трястись от страха. Таможенники это заметят, заподозрят меня, обыщут, найдут корону, и...

Я помотала головой. Нет, так дело не пойдет. Нервные клетки не восстанавливаются, а они жизненно необходимы мне в работе. Не очень ясно, зачем (без нервов, подозреваю, работалось бы лучше), однако необходимы, и я их буду беречь. Тем более, это очень просто – взять да выкинуть пакет. Пусть там даже сода – глупо везти в Париж лишнюю тяжесть.

Я высыпала порошок в унитаз, а обертку бросила в урну, предварительно, к собственному удивлению, протерев на предмет отпечатков пальцев, – это мне подсказал опыт дав-

ней читательницы детективов. После чего уложила корону на дно, сверху завалила едой и вернулась в автобус. И там, признаться, все надуманные проблемы тут же вылетели у меня из головы.

Сперва я решила, что кто-то запустил дюжину петард, и те мечутся в ограниченном пространстве, устрашающе воя. Впрочем, петарды не воют... неужели я накаркала и нас действительно пытаются захватить чеченские террористы? Ужас заставил сосредоточиться, и я увидела двух подростков, с невероятной скоростью носящихся по узкому проходу. Пройти не было ни малейшей возможности – стоило поставить ногу, как в опасной близости тут же возникала рыжая молния. Я стояла в растерянности, пока Настя неожиданно не завопила: «О, вон оно!» – одной рукой указав назад, а другой призывно махнув мне. Близнецы рванули в конец автобуса, и я успела быстро шмыгнуть на свое место, лишив их завидной возможности меня протаранить.

– Какая ты умная! – с уважением сообщила я подруге.

– У меня большой жизненный опыт, – мрачно ответила та. – Скоро он станет еще больше.

– А где их родители? – осторожно осведомилась я.

– Вон мать.

Настя кивнула в сторону женщины, сидящей прямо передо мной с наушниками на голове. На отпрысков та не обращала ни малейшего внимания.

– И тебе советую, – сказала Настя, в свою очередь выни-

мая плеер. – Сейчас они тихие, а вот когда заорут в полную силу...

– Это еще не в полную силу? – ужаснулась я, тоже выхватила плеер и поскорей заткнула уши. Потом сообразила, что не поделилась с подружкой веселой историей про соду, прихваченную из буфета, но в нынешних условиях продолжение беседы, увы, было исключено.

Вскоре наша группа почти собралась. Пригибаясь, как при артобстреле, люди занимали свои места. Последними появились знакомые дамы. Я тут же сняла наушники. Мне было интересно, кто выиграет в противостоянии Маргарита Васильевна – рыжие близнецы. Я предполагала, что они, однако вдруг у матерых школьных педагогов есть в запасе тайные методы воздействия на подростков, недоступные даже Насте? В данной ситуации я, несомненно, предпочла бы победу взрослого человека. У самого кошмарного взрослого не хватит энергии затерроризировать общество так, как парочка гиперактивных тинейджеров.

– Где ваша мать? – сурово вопрошала директриса. – Стоять на месте, отвечать!

Стоять на месте подростки не собирались или не умели, однако охотно ткнули пальцем в нужном направлении.

– Мамаша! – рявкнула Маргарита Васильевна. – Я к вам обращаюсь! Уберите плеер, когда с вами разговаривают!

Ни малейшего эффекта. Разъяренная Маргарита Васильевна наклонилась, навалившись грудью на кресло. И тут

произошло непредвиденное. Женщина пронзительно завизжала. Она сделала это на таких высоких нотах, что даже орблизнецов вдруг показался райской музыкой.

– А-а-а! Не прикасайтесь ко мне! Вы потная!

– Я к вам и не прикасаюсь, мамаша. Я только требую, чтобы вы приструнили своих детей. Вы что, не видите их безобразного поведения?

– Сперва заведите собственных, потом поучайте, – парировала счастливая мать.

– Какой дурак, насмотревшись на этих, заведет собственных? – шепнула я Насте.

Похоже, я не рассчитала громкость, ибо из кресла напротив послышался радостный гогот. Его издавал гориллообразный субъект лет тридцати, не сводя с меня одобрительного взгляда.

Конфликт был погашен гидом, сообщившим, что мы наконец-то пересекаем границу. Рыжие близнецы напрочь вытеснили у меня из головы не только соду, но даже корону, и в результате я настолько расслабилась, что на вопрос таможенника: «Спиртное, сигареты?» – автоматически ответила: «Спасибо, не надо». Тут же в ужасе прикусила язык, да было поздно. Сколько нежных мужских самолюбий я ущемила по рассеянности и сколько проблем этим создала в своей и без того не безмятежной жизни! Причем в нынешнем случае, признаюсь, мне меньше всего на свете хотелось злить собеседника.

Он и не разозлился, лишь игриво захихикал. Я, мобилизовав свои скудные актерские способности, попыталась ответить тем же, причем меня поддержала вся мужская часть автобуса. Особенно усердствовал гориллообразный визави.

Долго смеяться ему не пришлось – таможенник тут же потребовал его вещи для особого досмотра и принялся добросовестно в них рыться. Не обнаружив ничего интересного, переключился на соседа гориллообразного по сиденью, а потом, возмущенно тыча в список пассажиров, осведомился, где некий Сергей Попов, место которого пустует. Желание Попова скрыться ничуть меня не удивило – это оказался счастливчик, которому предстояло путешествовать рядом с матерью близнецов, лицезрея впереди их огненные головы. Искомый пассажир обнаружился на последнем сиденье, которое из-за неудобства должно было оставаться свободным.

В результате обыску почему-то подверглись трое одиноких мужчин (я бы тоже их заподозрила, уж больно это редкая птица в наших широтах), остальных таможенники проигнорировали. Все прошло благополучно, и вскоре мы пересекли границу, оказавшись в шенгенской зоне, а конкретно в Польше. Нам предстояло транзитом ехать по ней до вечера, переночевать, пару часов провести в Берлине, промчаться через Германию, снова переночевать, а наутро отправиться в Амстердам, где, наконец, можно было провести целый день. Конечно, день на город – типичное «галопом по Европам», однако я надеялась использовать с толком каждую минуту.

Сперва нас повезут на обзорную экскурсию, потом дополнительная программа – катание на кораблике, далее свободное время, а вечером пешеходная часть экскурсии – знаменитый квартал красных фонарей. В свободное время я собиралась посетить музей Ван Гога (очень люблю этого художника, да и вообще одна из основных достопримечательностей города), а вот насчет Рейксмюсеума меня терзали смутные сомнения. Кроме «Ночного дозора» Рембрандта, там хранились две картины Вермеера, которого я ни разу не видела в подлиннике и жаждала узреть. Однако, как я почерпнула из Интернета, сейчас там идет ремонт, и большая часть экспозиции куда-то перенесена. Туристы жаловались, что смотреть нечего, хотя «Ночной дозор», слава богу, на месте. Если Вермеер отсутствует, я бы, наверное, не заморачивалась со вторым музеем, лучше побродила по городу – обожаю это занятие. Так что, когда гид Алекс проходил мимо, я воспользовалась случаем и спросила:

– Вы не подскажете, в Рейксмюсеуме сейчас Вермеер на месте?

Гид вздрогнул, однако ответил.

– В Рейксмюсеуме Рембрандт, – помедлив, возразил он. – «Ночной дозор». Выдающаяся картина величайшего из художников, одна из жемчужин художественной коллекции нидерландской столицы.

– У меня против этой картины предубеждение, – немного удивившись, объяснила я. – Насколько я понимаю, она силь-

но потемнела и теперь не соответствует замыслу Рембрандта. Даже называться стала «Ночной дозор», хотя писался день.

– Во даете! – неожиданно обратилась ко мне мать рыжих близнецов. – Это фильмов два – «Дневной дозор» и «Ночной», а картина одна.

Острота получилась столь уместной, что я добавила:

– Вот и не хочется идти в музей ради одной картины. Подожду, пока Рембрандт напишет еще «Дневной дозор», «Сумеречный» и «Последний».

– Ну-ну, – с непонятым раздражением фыркнула собеседница. – Между прочим, Рембрандт давно умер.

– Лида, девушка шутит, – пояснил ей сосед, кажется звавшийся Сергеем Поповым.

Лида повернулась к нему, расцветая в нежной улыбке:

– Сереженька, вы недооцениваете неразвитость современной молодежи. А нам, журналистам, приходится иметь с ними дело, и мы в курсе их бездуховности. В лучшем случае они едут в Европу за шмотками, а про худший даже не хочется говорить вслух. Нам с вами, людям интеллигентным, трудно это понять.

Сообразив, что являюсь молодежью, я радостно приосанилась. Тем более, Лидия была если и старше меня, то ненамного. Не стань я блондинкой, мне бы подобных комплиментов не перепало. Я, конечно, читала современный французский роман, где фигурирует молодая женщина пятидесяти двух лет (честное слово, там так написано!), но в нашей стра-

не до подобного оптимизма, увы, пока не дошли (возможно, дорастем, когда мне стукнет пятьдесят два?).

Между тем журналистка громко продолжила:

– Уже по одежде ясен уровень культуры человека и его жизненные ценности. Я советую мужчине, увидев на девушке розовую обтягивающую футболку, насторожиться. Это униформа охотниц за богатыми папиками.

Настя сдавленно захихикала. Должна заметить, я как раз была в розовой футболке, купленной в день оформления визы, и в многострадальной юбке-маломерке. Юбка была черной и короткой, с черными же кожаными заплатками. Наряд эффектный, однако надеть его на работу или в театр я бы не рискнула. А в Европе никто не знает, что я доцент, так что имею право.

Моя самооценка повышалась на глазах. Я считала, что униформа охотниц за папиками приобретается в фирменных бутиках, а выходит, мой наряд ценой в пару чашек кофе ничуть не хуже! Лидия демонстративно оглянулась на меня, и я, не удержавшись, скромно заметила:

– К сожалению, вам, солидным журналистам, не понять проблем молодежи. Я вынуждена так одеваться для контактности. Нижняя половина – гот, верхняя – эмо.

– Че-че? – потрясенно встрял гориллообразный, аж свесившись в проход.

Я любезно объяснила:

– Черное носят готы, розовое эмо.

– Ну, – согласился он, внимательно на меня посмотрел – и вдруг начал хохотать. У него аж слезы выступили на глазах, он с трудом выдавливал: – Эмо... гот, – потом тыкал в меня пальцем и хохотал еще заливистей. Наконец, он смог режумировать: – Ну, ты даешь! Прикольная, блин! Таких прикольных я еще не знал. Слушай, меня зовут Вовчик. А тебя?

Честно говоря, я не привыкла сразу переходить на «ты», но вид Вовчика подсказывал моему сердцу педагога, что любые воспитательные меры окажутся запоздалыми, а тратить силы зря, да еще на отдыхе, не хотелось. Поэтому я произнесла:

– Очень приятно, Катя, – и поспешно повернулась к подруге. Однако не успела я выдумать тему для беседы, как к моему креслу подскочил Алекс. Листая большой блокнот и время от времени бросая на меня полные отвращения взгляды, он прочел:

– Вермеер – выдающийся нидерландский художник, мастер бытовой живописи и жанрового портрета, символически олицетворяющих Голландию «золотого» 17 века. По его картине «Девушка с жемчужной сережкой» снят известный фильм с Колином Фертотом в главной роли.

– Погодите! – опешила я. – «Девушка с жемчужной сережкой» хранится в Гааге. Мы же через Гаагу не едем, да?

– Какая такая сережка в Гааге? – вмешался Вовчик, снова свешиваясь в проход.

– Жемчужная, – мрачно повторила я. Ситуация с ги-

дом, увы, полностью прояснилась. На нормальную экскурсию можно было не рассчитывать. Хорошо еще, что я тщательно подготовилась дома!

– Спасибо, – поблагодарила я Алекса, – я поняла.

Он улыбнулся:

– Да зачем вам этот Вермеер? Через десять дней столько его навидаетесь, еще надоест. Лучше сходите в музей секса. Такого нигде больше не встретишь!

Я кивнула, не считая разумным занудствовать на ту печальную тему, что Вермеера на свете осталось раз, два – и обчелся, зато секса хоть завались, и ради него я бы не стала тащиться в Европу.

* * *

Благодаря всем этим перипетиям я даже не заметила, как пришла пора ужинать. Автобус пристроился у заправки, и Алекс горячо порекомендовал всем посетить тамошнее кафе – судя по всему, его там ждало материальное поощрение от владельца. Но мы с Настей не собирались бросать деньги на ветер, у нас с собой были пронумерованные пакеты. Правда, великие планы оказались нарушены. «У1» мы успели раскурочить по пути, слолав бутерброды и йогурты. Зато «О1» с вермишелью быстрого приготовления и тушенкой лежал нетронутый, а в салоне, слава богу, постоянно грелся кипятилок.

Люди стали выходить из автобуса, я тоже вышла, чтобы размяться и выкинуть мусор. (Алекс лично повесил на ручку каждого кресла пакет, куда посоветовал во время пути пихать отходы. Замечательная идея, хотя ума не приложу, почему мешок набивается так быстро.)

Настя осталась ждать моего возвращения. Ко мне тут же пристроился Вовчик, но у дверей женского туалета смущенно отступил. Проходя на обратном пути через кафе, я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. К удивлению, это оказался Сергей, сосед Лидии. Довольно симпатичный молодой мужчина, поверивший, что я знаю Рембрандта, да еще угодивший в компанию близнецов, вызывал мою симпатию, так что я улыбнулась в ответ. Он, вздрогнув, отвернулся, и я пошла дальше.

Вовчика я обнаружила у автобуса.

– А покушать? – жалобно спросил он.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Покушать вы с подругой не пойдете?

– Мы поедем в автобусе, – призналась я.

Вовчик заметно огорчился:

– А почему? Там кафе. Пива можно взять. Слушай, – вдруг взбодрился он, – я заплачу. В натуре.

– Спасибо, не нужно. Извини, меня ждет подруга.

– Я и за нее заплачу, – подумав, предложил собеседник. – Эй! – замахал он рукой Насте. – Выходи! Я проставляюсь!

Представив себе, что сделает со мною Настя, ежели зря

выйдет из автобуса, я поспешно объяснила:

– Мы не едим на ночь. Фигуру бережем. Так что извини...

И я прошмыгнула на свое место, а Вовчик, постояв еще немного, отправился, наконец, в кафе.

– Ты что так долго? – встретила меня упреком Настя. – Ты же знаешь, я не умею открывать банки. Давай скорей!

Я вскрыла тушенку с обнадеживающим названием «Спецназ», и, смешав ее с вермишелью, мы получили божественное блюдо. Потом заварили кофе и открыли шоколадно-вафельный торт, состоящий из готовых кусочков. Настя планировала не зря – ужин был явно лучше, чем в кафе, где я явственно чувствовала запах прогорклого масла.

– Хорошо, – благодушно вздохнула Настя. – Только вот что: не терзай больше нашего гида, а то он нас возненавидит. Если уже не возненавидел.

– Я не нарочно. Мне действительно важно, есть ли сейчас в Амстердаме Вермеер. Я думала, он знает.

– Откуда ему знать?

– Это все-таки его профессия.

– Достаточно послушать его пять минут, чтобы избавиться на его счет от всех иллюзий.

– Вот через пять минут я и избавилась, – пожала плечами я.

– Точно, – вспомнила Настя, – когда он в Бресте произносил вступительную речь, ты где-то болталась. Он успел рассказать увлекательнейшие подробности своей биографии.

Мать у него французженка, а отец грузин. Если гид начинается со своей биографии, можешь не сомневаться – именно эту тему он станет развивать и дальше. Причем экскурсанты обычно любят это больше, чем рассказы о музеях. Советую тебе смириться.

– Смирилась, – кивнула я. – Ладно Алекс, а Лидия с чего прицепилась ко мне на пустом месте? Что я ей сделала?

– Ты что, действительно не понимаешь? – удивилась моя подруга. – Похоже, ты все-таки научилась отключать мозги. Я могу только во время медитации, и то с трудом, а ты запросто. Как тебе удается?

– Я блондинка, – скромно объяснила я.

– Вот именно! – неодобрительно согласилась Настя. – Ты обратила внимание на интересный факт? Ты несешь такую же ахинею, как и раньше, а результат совершенно иной. То, на что раньше мужчины обижались, теперь их смешит.

Решив не обижаться на ахинею, я задумалась. Да, пожалуй. Мне вспомнился замечательный рассказ Моэма про даму, приехавшую из провинции и покоровившую Лондон. У нее была привычка говорить правду, а окружающие воспринимали ее слова как замечательную шутку. Нечто подобное происходило теперь со мной, и это нравилось мне куда больше, чем обиды. Только при чем тут Лидия?

– Притом что она нацелилась заполучить Сергея, это видно невооруженным глазом. А тот пялится на тебя.

– Серьезно? – удивилась я. – Я не заметила. Хотя...

– Что – хотя?

– Я сейчас шла через кафе, и он действительно на меня пялился. Однако моя поощрительная улыбка его отпугнула. Еще бы – после рассказа Лидии о коварных юных девах в розовых футболках. Побоялся, что я разорю его, потребовав чашку кофе...

Вскоре стали возвращаться соседи. Едва автобус тронулся, Алекс принялся развлекать нас анекдотами из жизни поляков, а иногда из собственной. В одиннадцать вечера мы, наконец, остановились у мотеля. Я привычно схватила мешок с мусором (как он мог снова набиться, мы ведь ничего больше не ели?) и вышла из автобуса.

* * *

Мы с Настей получили ключи от номера последними. Открыв в нетерпении дверь (уж очень хотелось помыться и завалиться спать), мы рысью рванули к кровати. К сожалению, к одной и той же, ибо другой не было. Или была? Почти все пространство нашей маленькой комнатки занимала широченная кровать, над которой сверху громоздилось что-то вроде очень узкого второго яруса.

– Кто тебя дернул за язык с твоим Вермеером? – возмущенно посмотрела на меня Настя. – Говорила я тебе – Алекс отомстит. У остальных небось все нормально. Он специально выбрал для нас такой номер!

Я тем временем обнаружила новую проблему – отсутствие душа. Это окончательно меня подкосило.

– Идем искать Алекса, пусть нас переселит, – решила Настя.

Увы, портье за стойкой не обнаружилось, гда тем более. Правда, я быстро нашла общественный душ, а около него местную пани в халате, объяснившую, что здесь, на первом этаже, дешевые комнаты для семейных пар с ребенком, а нормальное жилье расположено выше. Однако и выше выловить Алекса нам не удалось. Мы мрачно вернулись в номер, я выхватила из чемодана полотенце (повезло еще, что оно у меня было с собой) и ринулась в душ.

Мне тут же полегчало. Помыться после ночи в поезде – великое счастье. В свое тесное жилище я возвратилась почти умиротворенная. Зато Настя продолжала бушевать.

– Я не хочу спать с тобой в одной кровати! – нервно сообщила она. – Это извращение! К тому же ты все время ворочаешься. А наверх лезть не могу – мне станет плохо. А все ты виновата с твоим Вермеером!

– Ладно, – не стала спорить я, – я полезу наверх. Хочется верить, не упаду. Все лучше, чем спать вдвоем.

У моей подруги тут же повысилось настроение, и она ускакала в душ, а я простодушно побродила в поисках кондиционера. Его, разумеется, не было. Пришлось открыть окно – плевать, что этаж первый, кому мы нужны? И вообще, лучше быть ограбленным, чем задохнуться.

Слава богу, Настя разделяла мою точку зрения. Поразмыслив, мы задернули штору и спрятали от греха подальше паспорта с деньгами под матрас. В процессе последней процедуры обнаружилось, что на моей кровати нет ничего, кроме покрывала – ни белья, ни подушки. Зато Настино ложе было экипировано полностью.

– Я без подушки не могу, – предупредила я, – я без нее на свой шесток не полезу.

Настя укоризненно на меня посмотрела. Не скрою, стояла глубокая ночь и спать хотелось страшно, однако я была непреклонна. Подруга, вздохнув, стащила подушку со своего роскошного ложа. Та выглядела странно – что-то вроде длинного валика. Пожалуй, на моем шестке ее можно было бы разместить только вдоль.

Внимательно оглядевшись, я в порыве вдохновения распахнула стенной шкаф (больше, признаюсь, распахивать у нас было нечего). Там таились маленькая подушечка и теплое одеяло.

– Еще бы пару простыней, – несколько взбодрившись, заметила я.

– Обе не дам, – отрезала Настя. – Одну.

Я кивнула, и подруга принялась вытаскивать простыню из постели. И вытаскивала, и вытаскивала, и вытаскивала, а та все не кончалась. Я смотрела в обалдении, вспоминая цирк своего детства и фокусника, вынимающего из цилиндра нескончаемые разноцветные ленты. Нечто подобное

продельывала Настя. Глаза ее были полужакрыты, она засыпала стоя, однако чeстно продолжала свою трудовую деятельность.

– Дай, я попробую, – предложила я. – По-моему, это плотно уже можно обмотать вокруг экватора.

Я схватила простыню за середину и потащила на себя. Выяснилось, что загадочный предмет сшит кольцом. Более того, перед сшиванием один конец повернули на сто восемьдесят градусов, и получилась поверхность, в математике называемая лентой Мебиуса.

– Во дают поляки! – вырвалось у меня.

– Верхняя кровать, она предназначена для ребенка? А это, видимо, свивальник, – без обычной уверенности предположила Настя.

– А что такое свивальник? – заинтересовалась я (пример применения ленты Мебиуса мог пригодиться в работе).

– Вот это он, – указала на загадочный предмет моя подруга. – Берешь?

– А что мне остается?

Я уложила свивальник на свою постель и ловко улеглась между двумя его слоями, не забыв прихватить подушку. Стоило мне опустить на нее голову, как я заснула.

* * *

Проснулась я, словно кто-то меня толкнул, и не сразу по-

няла, где я. Первым порывом было слезть с кровати, и, лишь свесив ноги, я с ужасом поняла, *что* чуть было ни совершила. Сверзишься с такого шестка – мало не покажется.

В темноте что-то шевелилось. По крайней мере громко шуршало. Крыса? Этого только не хватало! Признаюсь, я испытываю к ним отвращение и даже страх. Сердце мое заколотилось, и я старательно выпучила глаза, чтобы лучше видеть. Не помогло. Еще бы – открывая окно, мы плотно задернули шторы. Крыса продолжала вызывающе шуршать. Интересно, чем? О боже, там ведь сумка с продуктами! Продукты упакованы в целлофановые мешки. Наглое животное, похоже, решило не ограничиться одним, а перепробовать все, что только можно. Между прочим, именно крысы являются переносчиками чумы, рядом с которой свиной грипп – детская шалость. Погрызенную еду есть нельзя ни в коем случае. Значит, две недели голодать?

Ужасная перспектива заставила меня преодолеть оцепенение. Крысу необходимо прогнать. Спускаться к ней я не собираюсь, до таких подвигов еще не доросла, а спугнуть попробую. Надо громко крикнуть: «Пошла вон!»

Ха, как бы не так! Есть у меня дурацкая особенность – в критических ситуациях начисто теряю голос. Очевидно, мой организм счел нынешнюю ситуацию критической – по крайней мере не сумел издать ни звука. Однако мозги работали, как ни в чем не бывало, и посоветовали кинуть в животное каким-нибудь предметом – подушкой например. Я пошари-

ла по своему тесному ложу. Подушки не было! Вообще ничего не было, кроме меня да свивальника. Я быстро сделала выбор в пользу последнего и швырнула его в направлении шорохов (вот вам еще одно использование ленты Мебиуса, и пусть студенты только попробуют вякнуть, что математика им в жизни не пригодится).

Результат превзошел все мои ожидания. Огромная белая петля прорезала крошечную тьму, подцепила что-то, с грохотом упавшее на пол, и бумерангом вернулась ко мне. Немудрено – ведь на части простыни я, оказывается, сидела.

Раздался нечеловеческий вопль. То есть не в том смысле, что завопила крыса или еще какое-либо животное, – я явно различила слово «бля!», животным, надеюсь, недоступное. Однако звук был столь ужасным, что даже трудно было решить, издал его мужчина или женщина.

И тут меня обуял гнев. Значит, никакая это не крыса! К нам проник человек, грабитель, и он, хитрый мерзавец, притворившись крысой, напугал меня до потери голоса. Да как он смеет! Все это пронеслось в голове за долю секунды, и я в ярости снова швырнула петлю Мебиуса, да с такой ловкостью, что она, как лента гимнастки, описала в воздухе замысловатую фигуру.

Следующий вопль определенно принадлежал женщине. Не вопль – скорее взвизг. В ту же секунду темная фигура ринулась в направлении окна, запуталась в шторе, вырвалась и канула во двор.

– Катя, ты спишь? – жалобно прохрипела снизу Настя.

– Нет, – честно призналась я.

– Так это ты наделала? – несколько окрепшим голосом уточнила подруга. – Зачем?

– Включи-ка свет, – попросила я, – тогда я слезу.

Настя щелкнула выключателем, и я спустилась с шестка на грешную землю. За мной упрямо волокся свивальник. Штора оказалась наполовину сорвана с карниза, стулья опрокинуты, сумка валялась пустая, а по полу были разбросаны пакеты с едой.

Я почувствовала, как сердце сжимает костлявая рука ужаса... хотя с чего бы сильной руке быть костлявой? Нет, я почувствовала, как сердце сжимает мускулистая рука ужаса.

– Корона... – в ужасе прошептала я. – Он украл Янину корону...

– А это не она? – указала Настя. – Вон какая-то коробка.

Какая-то! Мое сокровище было упаковано в украшенную золотыми розами коробку из-под чайной пары, подаренной одной из подруг. Таковую ни с чем не перепутаешь!

Жадно схватив коробку, я открыла ее – и мускулистая рука сперва превратилась в маломощную костлявую, а затем и вовсе исчезла. Корона лежала на месте.

– И все-таки, что это было? – настойчиво требовала ответа Настя. – Я чуть не поперхнулась от неожиданности.

– Наверное, это был вор. Видишь, раскурочил нам всю сумку.

– Да бог с ней, с сумкой! Ты что, не видела? Нечто среднее между НЛО и шаровой молнией. Оно летало у нас по комнате, представляешь? Хорошо еще, остались живы.

– И какое оно, это НЛО? – с подозрением осведомилась я.

– Белое, длинное и чрезвычайно подвижное. Причем летало очень осмысленно, словно действительно управлялось каким-то разумом.

– Не каким-то, а моим, – гордо отрапортовала я. – Эх ты, ленты Мебиуса не узнала!

– Чего?

– Ну, свивальника. Вот он. Я пыталась поймать им преступника.

– Не видела я никакого преступника! – возмутилась оскорбленная в лучших чувствах Настя. – Видела белое страшное НЛО. Так это ты все натворила?

И она оглядела царивший в комнате разгром.

– Конечно, – согласилась я. – Я, сидя на своем шестке, раскидала по комнате провизию, сорвала штору и ломанулась во двор. Дистанционно.

Настя задумчиво побродила по номеру, подняла стулья и села на один из них. Я выглянула в окно. За ним светало. Виднелись помойка, чахлое дерево – и ни малейших следов злодея. Действительно, откуда взяться следам на асфальте?

– Я все равно буду открывать окно на ночь, – мрачно заметила Настя.

– К тому же не вечно нам жить на первом этаже, – согла-

силась я, радуясь единству наших желаний. – Да, по-моему, он ничего и не украл. Может, спьяну принял наше окно за свою дверь?

– Надо проверить вещи.

Мы принялись собирать пакеты, раскладывая их по номерам. Представьте, все меню действительно оказалось налицо – от «32» до «У14». Хотя терзала смутная мысль, что чего-то все же не хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.